Наталья Александрова

Мистерия горгоны Медузы

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Мистерия горгоны Медузы

«Издательство АСТ»
2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Мистерия горгоны Медузы / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ», 2026 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-185053-1

По преданию, тело злобных бессмертных чудовищ — горгон покрывала крепкая, как металл, чешуя, которую не брал ни один меч. У них были стальные острые когти, а на голове вместо волос извивались ядовитые змеи. Они носились по воздуху и жадно пили горячую кровь своих жертв. И только горгона Медуза была смертна и обладала даром завораживать взглядом и превращать в камень всё живое. …В наши дни драгоценная старинная камея с изображением горгоны Медузы помогла двум сёстрам разобраться с серией загадочных убийств. Они приняли вызов судьбы и приступили к опасному расследованию, которое едва не лишило их жизни…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185053-1

© Александрова Н. Н., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Наталья Александрова
Мистерия горгоны Медузы
Роман

© Н. Александрова, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

– Чёрт знает что! – сказал капитан Пётр Лебёдкин, входя в свой крошечный кабинетик. – Нет, ну это просто чёрт знает что!

Его напарница Дуся Самохвалова подняла голову от вороха бумаг и рассеянно поинтересовалась:

– Ага, опять влетело?

– Не опять, а снова, – огрызнулся Лебёдкин, но тут же опомнился.

Самохвалова – баба хорошая, это все знают, и ему сильно повезло, что попала она к нему в напарницы. Мало того, что невредная, с пониманием и характер золотой, так еще и умная. Они отлично ладят, так что вовсе незачем ему сейчас срывать на Дусе свою злость.

Дуся, кстати, не думала обижаться. У нее действительно был замечательный характер, и на жизнь она смотрела с оптимизмом. Она свято верила, что всё всегда, рано или поздно, будет хорошо. Такому отношению к жизни очень способствовала Дусина внешность. Дуся – женщина яркая и сама себя называла «сто килограммов женской красоты». Это она округляла для красного словца, хотя на самом деле если не сто в ней было, то прилично за девяносто. Дуся веса своего нисколько не стеснялась, а наоборот, очень собой гордилась. Впрочем, у нее всего было с избытком: глаза сияющие, круглые, как блюдца, рот крупный, губы полные безо всякого геля, волосы густые, волнистые, по выражению парикмахеров, «на троих волос хватит». Исходила от Дуси такая жизненная энергия, что спокойно можно было бы заряжать от нее батарейки или давать электричество в удалённые и слаборазвитые районы, конечно, если Дуся позволила бы.

Мужчины, видя Дусю впервые, обалдевали и столбенели. Сослуживцы, конечно, попривыкли уже, пообвыкли, а новеньких заранее подготавливали, чтобы не было недоразумений.

С женщинами Дуся всегда поддерживала хорошие, ровные отношения, поскольку была не вредной и независтливой. В разговорах со свидетелями Дусе не было равных, а подследственные проникались к ней доверием и рассказывали всё-всё, знай только слушай. А слушать Дуся умела.

Сейчас Дуся прекрасно понимала, что явился ее напарник от начальства, а начальство, как известно, по головке никогда не погладит, а норовит стружку снять. А с Петькой вообще сложно. Уж очень он резкий, заносит его на поворотах, никаких тормозов нет. Учила его Дуся, учила: у начальства в кабинете молчи, что бы начальник ни говорил. Кивай, как китайский болванчик, со всем непременно соглашайся и тверди, как попугай, что всё будет сделано точно и в срок. Так всем будет лучше: и тебе, и руководству.

Но Петька – натура пылкая, увлекающаяся, вечно норовит из пустяка устроить цирк с фейерверком, везде ему серийные маньяки мерещатся. А начальство такие предположения и маньяков ну очень не любит.

Прежний их начальник, полковник Медведкин, был человек простой, как говорится, что на уме у него, то и на языке. Начнёт Петька у него в кабинете свою линию гнуть, схемы какие-то показывать, графики, распечатки, Медведкин как рявкнет, будто он не полковник, а медведь,

которого зимой охотники разбудили. Тут бы Лебёдкину и помолчать, попятиться тихонько да и уйти. Ан нет, он еще больше горячиться начинает. Руками размахивает, графики под нос начальству суёт. Так-то он мужчина тихий, но как втемяшится ему в голову, что убийство не простое, а серия намечается, – так просто Петька сам не свой делается.

Понятно, что такое поведение начальство не одобряло. Правда, пару раз не ошибся капитан Лебёдкин, угадал-таки серию. Громкие дела были, за первое Лебёдкину премию дали в размере месячного оклада, и Дусю тоже не обидели, а полковник Медведкин на повышение пошёл. А во второй раз при новом начальнике им денег не дали. Зато Ирина Павловна, секретарша начальника, с которой у Дуси с некоторых пор нежнейшая дружба, шепнула, что на этот раз Петьке нужно насчёт квартиры подсуетиться. Он после развода уже несколько лет в коммуналке маялся.

И ведь выгорело дело, дали Петьке отдельную квартиру. Тут бы ему и успокоиться, дух перевести, работать, как велят, даму сердца какую-нибудь завести, если не для женитьбы, так для серьёзных отношений, так нет. Снова Петька мечется, опять ему больше всех надо, с начальством конфликтует, а женщин вообще сторонится. И то сказать, ходили смутные слухи о Петькиной супружеской жизни и последующего потом развода. Жена ему лютая стерва попалась, а тёща – еще хуже, еле-еле Петька от них избавился. Это давно было, Дуся еще тогда с ним не работала. Он про это никогда не вспоминает, а Дуся не спрашивает – что соль-то зря на раны сыпать…

Сейчас Дуся поглядела на напарника, который рухнул на стул, и протянула ему через стол бутылку минералки.

– Охладись маленько, остынь!

Лебёдкин одним богатырским глотком отпил полбутылки воды.

– Ух! – сказал он чуть бодрее. – И до чего же я не люблю с начальством общаться!

– Да кто же это любит-то… – философски заметила Дуся. – К сожалению, это не в наших силах. Была бы моя воля – век бы начальство не видела. За что на этот раз он на тебя наехал?

– Ты не поверишь! – Лебёдкин взмахнул руками, так что Дуся едва успела увернуться от бутылки. – Из-за девицы, что позавчера ограбили.

– Да с чего вдруг? – Дуся пожала мощными плечами. – Обычное дело, девушка поздно возвращалась домой, заскочил за ней в подъезд шарамыжник какой-то, тихонько поднялся с ней на ее этаж по лестнице, дал по голове, вырвал сумку да и смылся. Непонятно только, отчего она не сообразила перед тем, как в тёмный подъезд входить, по сторонам посмотреть. Ведь не ребёнок малолетний, а взрослая женщина, пора бы уж поумнеть.

– Ага, ну я и объясняю, что потерпевшая вроде бы не сильно пострадала. Дали по голове, но даже сотрясения нет, и сумку в ближайшей урне нашли. А грабитель этот небось воришка мелкий, и как его найти-то? Тем более потерпевшая сказала, что денег в кошельке немного имелось, ну мобильник еще, конечно, и всякие там дамские штучки. Так что денег кот наплакал, а мобилу он уже толкнул по дешёвке, и всего делов-то.

– А наш что на это сказал?

– Да что сказал… – вздохнул Лебёдкин. – Смотрит на меня глазами своими оловянными и молчит.

Дуся представила эту картину и невольно поёжилась. Вроде бы после того, как прежний их начальник полковник Медведкин пошел на повышение и новый начальник вступил в должность, прошло уже довольно времени, а всё никак не могут они к нему привыкнуть. Чёрт его знает, что он за человек, и вообще человек ли? Предположение это высказал как-то Петька, и Дуся порой тоже задумывалась – а вдруг ее напарник прав? Потому что про начальника никто ничего не знал – кто он, откуда, сколько ему лет, женат или холост, а если в разводе, то в который раз…

Секретарша Ирина Павловна, дама широких интересов, никогда про своего начальника не сплетничала, а Дуся не спрашивала, знала, что всё равно ответа не получит. Да если честно, то секретарша и сама-то толком ничего не знала.

Начальник был подтянут и моложав – ни лишнего веса, ни мешков под глазами, ни морщин вокруг рта. Всегда чисто выбрит и аккуратно подстрижен, костюм недешёвый и сидит отлично, обувь дорогая, галстук же довольно унылый, какой-то канцелярской расцветки. И, по наблюдению Ирины Павловны, галстуки и костюмы начальник менял часто, но обязательно на такие же точно. Говорил начальник всегда негромко, и не поймёшь даже, баритон у него или тенорок козлиный. Глаза, как метко выразился в свое время капитан Лебёдкин, были у начальника совершенно оловянные, бесцветные, и лицо выразительное, как дверца холодильника. И такое же отстранённо-холодное. Через некоторое время дружный коллектив решил, что лучше уж полковник Медведкин – тот по крайней мере орал на них, как зверь, выражался порой неприлично, но с ним всегда можно было по-человечески поговорить. С понятием был мужик.

– Ну, значит, молчит он, – вздохнул Лебёдкин, – а я стою и жду, когда замерзать начну. А потом он рот открыл и объявил, что с сегодняшнего дня у нас какой-то месячник борьбы с нелегалами. И что, конечно, Миграционная служба старается, но и мы со своей стороны должны проявить… В общем, что-то там выявить, углубить и улучшить.

– Понятно, – протянула Дуся сочувственно. – Следовательно, попал ты, Петенька, под раздачу.

– Такое мое счастье, – пожал плечами Лебёдкин и посмотрел в глаза напарнице искательно: – Дусь, а Дусь?..

– Ну чего тебе? – Она нахмурила брови, но долго сердиться не могла и улыбнулась. – Ладно уж, страдалец, схожу поговорю с твоей ушибленной девицей!

– Дуська, ты золото!

Капитан Лебёдкин прекрасно знал Дусины деловые качества, она ведь могла разговорить любого человека. И выяснить всё, что нужно и важно. И не то чтобы сведения клещами из свидетеля тащить или там иголки под ногти загонять, люди сами всё подчистую ей выложат и вспомнят всё, что позабыли. У Дуси внешность располагающая, доверяют ей люди.

Дуся надела новое синее пальто, покрутилась перед зеркалом. Пальто это устроила ей по знакомству мамаша одного оболтуса, Дуся его спасла от колонии. Пятнадцатилетний оболтус связался с плохой взрослой компанией, малолетнему идиоту было лестно, что с ним общаются такие серьёзные ребята. А ребята грабанули небольшой магазинчик, вырубили сторожа и подставили оболтуса по полной программе, подсунули ему какие-то вещи и дружно валили на него, так что светила парню колония всерьёз и надолго. На допросах мальчишка молчал, играя в благородство, никакие уговоры на него не действовали. Сумела переубедить его только Дуся. Когда следствие закончилось, благодарная мамаша, работающая в бутике элитной одежды, устроила Дусе дорогущее пальто с большой скидкой.

Итак, Дуся причесалась перед зеркальцем и отправилась навещать потерпевшую Козлихину Алёну Викторовну, которая вышла вчера из больницы и находилась дома, поскольку на работу ее еще не выписали, что и выяснил капитан Лебёдкин посредством телефонного звонка. Алёна Козлихина жила недалеко от здания полиции, в блочном шестиэтажном доме рядом с метро. Требовалось обойти станцию сзади, миновать цветочные ларьки и крошечный магазинчик мобильных телефонов, нырнуть в проход между стройкой и задней стеной бани – и вот он, дом. Дуся работала в этом отделении полиции несколько лет и успела изучить все окрестности.

Домофон звонил долго. Наконец отозвался слабый невнятный голос и спросил «кто там». Дуся ответила как есть – из полиции. Замок щёлкнул, подъезд открылся. Лифт ожидаемо не работал, пришлось подниматься на пятый этаж пешком. Дуся посчитала это полезной гимнастикой. Худеть она не собиралась, ей это даже в голову не приходило, но всё же, как говорят, физические упражнения для жизненного тонуса полезны.

Дуся внимательно изучила все четыре двери квартир на лестничной площадке пятого этажа.

Одна дверь новая, заклеенная плёнкой, стало быть, ремонт жильцы сделали и не живут пока. Другая дверь была, наоборот, старая и обшарпанная, чуть ли не жучками проеденная, такую не всегда и на помойке встретишь, и пахло из квартиры самой настоящей свалкой. Алкаши, значит, обитают, с такими не поговоришь, мозги и память давно пропили. Третья квартира была потерпевшей – ну да, Лебёдкин выяснил, что Козлихина живёт на своей площади, а в последней квартире дверь была тщательно вымыта, даже ручка сияла, и коврик лежал хоть и старенький, но чистый. И сейчас Дусе послышалась какая-то осторожная возня за той дверью. Ясно, соседушка любопытная около глазка пристроилась…

На звонок открыла девица в розовом длинном халате и босиком. Вид у нее был помятый и недовольный.

– Чего надо? – довольно грубо спросила она, сжимая ворот халата у горла. – Чего вы всё ходите? Я на больничном.

Дуся не обиделась на такое невежливое обращение, она вообще на людей не обижалась.

– Можно в квартиру пройти или тут будем разговаривать? – Она широко улыбнулась, намекая на любопытную соседку.

Расчёт оказался верный, девица недобро покосилась на дверь напротив и неохотно посторонилась. Она поморщилась, прикоснувшись к волосам. Чуть выше виска был налеплен пластырь, а вокруг засохла кровь.

Прихожая показалась Дусе темноватой и довольно захламлённой, девица мотнула головой вправо, что означало – иди на кухню. Дуся сняла дорогое пальто и повесила на крючок старой ободранной вешалки, даже плечиков не нашлось. На кухне царил жуткий беспорядок, и зоркие Дусины глаза сразу определили, что такое состояние для хозяйки дело привычное. Сразу ведь видно, что бедлам на кухне не потому, что хозяйка заболела и у нее из рук всё валится, а просто она привыкла в таком кавардаке существовать. Дуся и не думала никого осуждать, не ее это дело, она просто отметила про себя некоторые детали.

– Зачем вы пришли? – спросила хозяйка, опустившись на стул. – Сказала же еще в больнице, что ничего не помню, паразита-вора я не видела. Так что забудьте вы про это дело, и я поскорее забуду! Век бы не вспоминать…

– Не получится, – вздохнула Дуся, стоя перед Козлихиной. – Ваше дело начальство взяло под персональный контроль, так что придётся расследовать.

– Что значит «под персональный контроль»? – Девица подняла голову, и от резкого движения, видно, снова ей поплохело.

– Болит? – посочувствовала Дуся. – Сильно он вас приложил?

– Врачи говорят – несильно. Но голова кружится, – вздохнула Козлихина и неожиданно предложила: – Кофе хотите?

– Хочу, – обрадовалась Дуся, давно уже приметившая на кухне вполне приличную кофеварку. Не то чтобы она так уж хотела кофе, просто нужно было установить доверительные отношения с потерпевшей, а совместно выпитая чашка кофе этому очень способствует.

Пока Алёна Викторовна заправляла кофеварку, Дуся сама вымыла две чашки и одну чайную ложку, вторую не отыскала. И чашки разномастные: одна красивая, но старая уже, краешек отбит, а вторая новая, совсем дешёвая, даже без рисунка. Кофе, разлитый по чашкам, испускал умопомрачительный аромат.

Девица вдруг побледнела, покачнулась, придержалась рукой за стол и опустилась на табуретку, которую Дуся присмотрела для себя. На кухне стояли два шатких стульчика на металлических ножках, а вот табуретка была старая, с виду надёжная. Дусе вовсе не хотелось начинать доверительный разговор со сломанного стула, а эти тонконожки явно ее веса не выдержат.

– Ты чего? – Она кинулась к потерпевшей. – Плохо, что ли? Только в обморок не падай! – Сама не заметив, Дуся перешла с ней на «ты».

– Да я ничего… – слабым голосом ответила та. – Голова кружится, и в глазах темно.

– Рано тебя выписали! – посочувствовала Дуся.

– Да ладно, у меня и раньше так бывало. Нечасто, правда. Нужно кофе выпить… Полегчает.

– Это пожалуйста! – Дуся без труда перетащила девицу к столу на стульчик, а сама завладела табуреткой. Табуретка не подвела, выдержала ее вес.

– Тебе нужно непременно с сахаром… – Дуся оглянулась в поисках и нашла старую фарфоровую сахарницу с отбитой ручкой. Но та была совершенно пуста.

Дуся открыла шкафчик, но обнаружила только полупустую бутылку подсолнечного масла и пакетик душистого перца, да еще пустую коробку из-под кукурузных хлопьев, из которой как раз выползал шустрый предприимчивый муравей.

– У меня… в куртке, в кармане сахар есть… – прошелестела девица.

Дуся пулей полетела в прихожую и нашла куртку, валявшуюся на полу, поскольку оторвалась вешалка. Она подняла куртку и без труда определила, что эта верхняя одёжка побывала в больнице, только там могла впитать она такой тоскливый запах.

Самохвалова потрясла куртку, и из кармана выпало несколько мелких монеток и три рекламных пакетика сахара с надписью «Бар-Ракуда» и головой сердитой зубастой рыбы. Дуся честно поделила сахар пополам, хотя сама любила, чтобы послаще.

После кофе девица малость порозовела и перестала клониться набок.

– Меня Дусей зовут! – сообщила оперативница, ненароком взглянув на часы. Пора приступать к разговору, время не ждёт.

– А меня Алёна, – вздохнула потерпевшая. – Спрашивай уж, раз пришла. Только я ничего не помню.

С предварительными вопросами разобрались быстро.

Алёна жила одна в этой квартире, которая досталась ей после смерти бабушки три года назад. Поступила после школы в Колледж коммунального хозяйства, но по специальности работу не искала, окончила отделение делопроизводства, на том и остановилась. Работает она секретаршей в нотариальной конторе, что находится на проспекте в двух остановках от ее дома. Очень удобно, не нужно много времени на дорогу тратить.

– Вот тут написано… – Дуся полистала странички первичного допроса, который взяла с собой, – что напали на тебя примерно в девять тридцать, и вызов в «скорую» тогда же зафиксирован. А где ты до этого была? Время-то позднее!

– Да на работе! – слишком поспешно, на Дусин взгляд, ответила Алёна. – Изабелла задержала, велела документы перепечатать.

Далее выяснилось, что Изабелла Юрьевна Кащеева – помощница нотариуса Рубена Варламовича Семибратова, и Алёна дело имеет только с ней, та ее работу контролирует и вообще строгая очень, никогда навстречу человеку не пойдёт.

Перешли, собственно, к разбойному нападению. Тут Козлихина вообще ушла в глухую несознанку – ничего не помню, ничего не видела, ничего не слышала, очнулась, только когда Анисия Ивановна, соседка, затрясла и позвала: «Алёна, Алёна, что с тобой, жива ли?»

Но не тот человек была Дуся Самохвалова, чтобы уйти ни с чем. Она точно знала, что потерпевшая что-то скрывает. Точнее, недоговаривает. Может быть, ерунду какую-нибудь, к делу вовсе не относящуюся. А может, что-то важное.

– В сумке что у тебя было? – деловито спросила Самохвалова. – Деньги, документы?

Алёна вздохнула:

– Нет, документов в сумке не было и денег не так чтобы много. Косметику, конечно, жалко, мобильник опять же… А ключи я всегда в кармане ношу.

– Это правильно, – одобрила Дуся и задала следующий, заранее заготовленный вопрос.

Алёна отвечала, что никого в подъезде она не встретила, а лифт не работал, что ее совершенно не удивило, потому что он вечно ломается. И если утром, так еще ничего, мастер приезжает, а вечером – так до утра лифт и стоит, так что приходится пешком подниматься. И вот поднялась она и только достала ключи, чтобы дверь квартиры открыть – как сзади удар, и больше она ничего не помнит. У Дуси в голове тут же возникла мысль, что если лифт не работал, то для чего грабителю было тащиться за Алёной на пятый этаж, мог бы и на первом сумку вырвать, раз уж в подъезде никого не было. К тому же и не всякий жулик сумеет до пятого этажа бесшумно подняться. А этот, видишь, и по голове Козлихиной дал, да еще и убежать вовремя сумел. Правда бежать вниз – это не наверх, но всё равно негодяй в неплохой физической форме.

Дуся взглянула на снова побледневшую Алёну, которую разговор явно утомил, и решила прощаться. В прихожей она надела синее пальто, попросила вышедшую ее провожать Козлихину немедленно лечь в постель и покинула квартиру.

Услышав, как за ней щёлкнул дверной замок, Дуся не спешила уходить. Она посмотрела на дверь напротив, которая тут же отворилась, как будто Дусю терпеливо ждали.

На пороге возникла кукольного вида бодрая старушенция с аккуратно завитыми седыми кудельками, подкрашенными фиолетовыми чернилами, и в сером платье с кружевным воротничком, заколотым брошкой. На плечах у нее был тёплый пуховый платок. Около ног старухи, обутой в тапочки с помпонами, отирался рыжий котище устрашающих размеров с отчаянной разбойничьей мордой.

– Хорош! – одобрила пушистого зверя Дуся.

– Это вы будете из милиции? – по старой памяти спросила старуха, окинув орлиным взглядом Дусю.

– А это вы будете Анисия Ивановна Пищикова? – в ответ поинтересовалась Дуся, у нее была отличная память на имена и фамилии, раз прочитает в протоколе – ни за что не забудет.

Старуха молча посторонилась, а кот величаво, подняв хвост трубой, удалился вглубь квартиры, ступая мягко, но с достоинством.

– Чаю? – спросила Пищикова.

– Да я уж вроде кофе напилась… – ответила Дуся, с тоской понимая, что время все-таки поджимает, и у нее, кроме этого дела, за которое вообще Петька отвечает, своих дел полно.

– Знаю я, какой там у Алёны кофе, – отмахнулась Анисия Ивановна. – Небось и сахару-то нет… А я тебе к чаю печеньица дам. Раздевайся. Проходи на кухню.

Дуся снова оказалась на кухне.

Печенье было дивно вкусное, рассыпчатое, с маком и корицей. Дуся съела четыре штуки, но тут чашка опустела.

– На работу не торопишься? – поинтересовалась старуха, не спускавшая с Дуси глаз.

– Тороплюсь, – честно ответила Дуся. – Так что давайте коротко. Расскажите мне о случившемся с вашей соседкой.

Анисия Ивановна на секунду задумалась, но потом решилась и начала:

– Ну что тебе сказать? Алёнка – девка неплохая, но без царя в голове. Ума у нее, честно сказать, немного. – Старуха сразу взяла быка за рога. – Бабушка ее перед смертью просила меня за Алёной присматривать. Вот и стараюсь по мере сил… – Тут она тяжело вздохнула. – Но знаешь, не очень-то получается. Хотя… Вот ты слушай. Значит, сижу это я, телешоу смотрю, а тут Барсик чего-то забеспокоился. Он у меня такой сообразительный и лучше собаки чует, что на площадке творится. Ведь кот-то Алёнкин. Бабушки ее, покойницы, любимец. Ну, когда бабушка умерла, то Алёна кота, конечно, оставила, только она целыми днями на работе, а котик скучает. Болеть даже начал, она и говорит: тётя Анисия, возьмите Барсика к себе. Корм и наполнитель я вам обеспечу. Пропадёт он у меня. А я что? Да ради бога, раз такое положе-

ние создалось. Мы с Барсиком ладим хорошо, только он всегда реагирует, когда дверь Алёны скрипнет или шаги раздаются. В тот раз и я услышала посторонний шум, вроде крик, и упало что-то. Я дверь-то открыла – батюшки мои! Что делается-то! Алёнка у дверей лежит, кровь у нее из головы течёт, а мужик какой-то ключи у нее из рук рвёт. Я как заору, он подхватился, сцапал сумку да и дал дёру. А я к Алёнке подошла, кричу, за плечи ее трясу, она глаза открыла, мутные такие… Я усадила ее тут же на полу, да и в «скорую» звонить. Те быстро приехали, даже удивительно.

– Значит, ключи ему нужны были? – задумалась Дуся. – Это же выходит, что он ее в квартиру затащить хотел… Раз ключи схватил. А там уж сделал бы что хотел… Так что, Анисия Ивановна, считайте, что вы Алёну спасли, не зря соседке своей слово давали, что присмотрите за внучкой.

– Господи! – Старуха перекрестилась. – Спаси и сохрани! Страсти-то какие…

– Вор как выглядел? Не запомнили?

– Не разглядела, – с сожалением вздохнула старуха. – Так вроде росту среднего, худощавый, куртка не то серая, не то черная, вроде бы блондин… А может, седой… Нет, не узнаю его.

– Ладно, спасибо вам, пора мне уже. – Дуся закрыла папку, встала, попрощалась и поспешила на работу.

Проводив напарницу, капитан Лебёдкин сел за свой стол с твёрдым намерением разобраться, наконец, с бумагами, которые заполонили уже не только стол, но и подоконник, а некоторые папки даже громоздились на полу. Дуся этого не одобряла.

Лебёдкин расчистил место на столе, утвердился на нём локтями и мрачно уставился в окно. За окном лил дождь, влажно блестели мокрые крыши соседних домов, пузырились лужи на тротуаре. Лебёдкин малодушно отложил рапорт, который требовалось составить в первую очередь, и решил выпить кофе для бодрости и просветления мозгов. У Дуси была припрятана в столе банка растворимого, он это точно знал. Он вышел в коридор с чайником, чтобы набрать воды, но тут возле туалета его перехватил дежурный Коля Еропкин.

– Петя, тут к тебе женщина пришла, – подозрительно довольным тоном сообщил он.

– Какая еще женщина? – попятился Лебёдкин, пытаясь прошмыгнуть в туалет, но Еропкин сделал ловкий хоккейный финт и не дал двери открыться.

– Ну баба какая-то чокнутая. – Еропкин наклонился и зашептал: – С заявлением. Вроде у нее пропал кто-то.

Лебёдкин предпринял еще одну попытку попасть в туалет. Но Коля был настороже.

– Кто? Муж? Или хахаль? – рассердился Петя. – Так тогда чего искать-то, сам придёт, когда нагуляется…

– Вот и я о том же! – обрадовался Еропкин. – Так что ты быстренько ее отфутболь, а то все заняты, один ты по коридору с чайником гуляешь, сразу видно, делать тебе нечего.

Проклиная себя за то, что не вовремя попёрся за водой, Лебёдкин понял, что ему не отвертеться. Не пошлёшь же дежурного куда подальше, он всё же лицо официальное.

– Ну, давай ее ко мне! – И, махнув рукой на кофе, Петя вернулся в кабинет, чтобы хоть папки с пола прибрать.

Через две минуты в дверь неуверенно постучали. Будь на месте Дуся, она бы сразу определила характер посетителя по этому стуку. Лебёдкин же таким умением не обладал, так что только порадовался, что стук робкий, нерешительный. Не любил он горластых тёток, которые с порога начинают орать и права качать. Или еще плакать примутся. Вот рыдающих женщин капитан Лебёдкин просто не переваривал. Равно как и готовых упасть в обморок. Вот у его бывшей тёщи был голос! Любая циркулярная пила позавидует, а болгарка так просто отдыхает. Или вот еще дрель… Если сверлом прямо в мозг…

– Можно войти? – послышался тихий испуганный голос.

– Проходите! – Он хотел сказать это сухо и строго, чтобы сразу стало понятно, что капитан – человек исключительно занятой и по пустякам его беспокоить не следует. Но строго не получилось, так как характер у Петра Лебёдкина был покладистый, он от этого часто страдал, потому как лишняя мягкость при его работе только мешает.

В кабинет вошла женщина лет сорока, как навскидку определил капитан Лебёдкин, а может, и больше. Скромная, одета неброско. Впрочем, Лебёдкин не приглядывался, хоть Дуся не раз призывала его не стесняться и смотреть посетителям в глаза, разглядеть их как следует. Первое впечатление – самое верное, внушала она. Но Лебёдкин не хотел разглядывать посетителей, особенно посетительниц, он их сторонился. Хотя при его работе это затруднительно. Или вот как с этой – ясно же, что не укусит, сама его боится.

Женщина прошла в крошечный кабинетик и села на шаткий неудобный стульчик. Был в кабинете еще один стул – большой, удобный, устойчивый, но его сделали по спецзаказу, точнее, в подарок Дусе, и она никому не разрешала на нем сидеть, даже начальнику отделения, если бы тому пришло это в голову.

– Слушаю вас! – Капитан положил перед собой чистый бланк, от чего во взгляде женщины мелькнул испуг.

– Понимаете… – Голос у нее дрогнул, и она опустила глаза. – Просто не знаю, что делать…

Капитан Лебёдкин рассердился. У него дел невпроворот, а эта тут рассусоливает. А он даже кофе не выпил и рапорт не начинал. И Дуся куда-то провалилась. Тут он вспомнил, что сам же упросил Дусю сходить к потерпевшей по его делу, и устыдился. А посему посмотрел на женщину более приветливо, отчего она приободрилась, глубоко вдохнула и выпалила:

– У меня сестра пропала!

Ага, значит, все-таки сестра, а не муж и не возлюбленный, с некоторым удовлетворением отметил Лебёдкин. С другой стороны, если муж загулял, то можно тётю и отправить с богом – сидите, мол, гражданка, дома и прибирайте квартиру к приходу мужа. Можете еще обед приготовить, так время и пройдёт. А если сестра, то всё сложнее. Хотя сестричка, может, тоже порядочная пройда…

– Давайте, гражданка, излагайте по порядку! – Он сурово сдвинул брови. – Паспорт у вас имеется?

По паспорту посетительница звалась Анной Игоревной Воробьёвой, проживала в городе Дальнереченске, лет от роду имела тридцать восемь, чему капитан Лебёдкин немало удивился, поскольку тётка выглядела, на его взгляд, намного старше. Забитая какая-то, измождённая. А может, больная…

– Я вас внимательно слушаю! – сказал капитан, аккуратно записав данные паспорта. – Расскажите, как вы в нашем городе оказались, зачем сюда приехали?

– Я приехала к сестре, она пригласила погостить. Понимаете, мы раньше как-то… В общем, она написала, а я ответила… Не сразу правда, письмо долго в ящике провалялось. – Женщина сжимала и разжимала руки, видно, очень волновалась. – А потом я послание прочитала, мы с ней списались, потом созвонились. Она мне предложила: приезжай, поживёшь в бывшей родительской квартире. Она пустая уже несколько лет.

– Почему? – вклинился Лебёдкин, чтобы остановить этот бессвязный и невразумительный поток слов.

Пока что он ничего криминального не заподозрил. Ну, в растерянности женщина, тем более из другого города приехала, порядков наших не знает. Оттого и нервничает. А может, они с сестрой просто разминулись? В метро там, или в магазине, или где еще они были.

– Почему квартира пустая? – спросил он.

– А? – Женщина глянула на него осмысленно. – Отец умер пять лет назад.

– А мать?

– А мама еще раньше умерла. И она тоже.

– Кто «она»? – Капитан украдкой взглянул на часы.

– Ну… Она, его вторая жена.

Услышав про вторую жену, Лебёдкин затосковал. Сейчас посетительница начнёт долго и нудно рассказывать про своё семейство – кто кого бросил, кто на ком женился в незапамятные времена, перечислять детей от первого брака, племянников и соседей… Ох, тоска…

– Значит, вы приехали в наш город и поселились в бывшей квартире своего отца.

– Я только одну ночь там провела, а утром мы договорились встретиться со Светланой.

– Это сестра? – понятливо уточнил Лебёдкин.

– Ну да, Светлана Игоревна Чекан. Это по мужу она Чекан, – заторопилась тётя, – по бывшему мужу. Она с ним развелась. Ну и я тоже…

«С этим же Чеканом?» – хотел ехидно поинтересоваться капитан, но с трудом удержался.

– Из-за этого всё и получилось… – продолжала лить воду Воробьёва. – Светлана была одинока, я тоже… Она и пригласила меня пожить, место ведь есть… Квартира эта самая…

– Ну и что дальше было? Приехали вы… – Капитан, уже не скрываясь, посмотрел на часы.

– Да, приехала. Светлана меня встретила. Знаете, я ведь ее сразу узнала.

– То есть как? – Лебёдкин вздрогнул. – Что значит «сразу»? Вы что, ее никогда не видели?

– Да… – В глазах Воробьёвой мелькнула растерянность. – Получается, так. Дело в том, что мы даже не знали о существовании друг друга.

– Гражданочка! – Капитан постучал по столу шариковой ручкой. – Вы вообще-то в отделении полиции находитесь, так что излагайте свое дело внятно и понятно! Что значит «даже не знали о существовании друг друга»? Вас что, в детстве выкрали?

Гражданка Воробьёва вздрогнула и часто-часто захлопала ресницами.

– Я… Простите, я не сказала… Мы со Светой сводные сестры, по отцу. Понимаете, он маму бросил… Мне всего три года было. А мама гордая, не стала на алименты подавать. В общем, выкинула его из нашей жизни.

Лебёдкин вздохнул: вот и начинается натуральный мексиканский сериал – брошенные жены, обездоленные дети. Но посетительница, очевидно, взяла себя в руки и заговорила быстрее, заторопилась:

– Всё было хорошо, Светлана так приветливо меня встретила, привезла на квартиру и оставила. Она уезжала куда-то по делам и сказала, что на следующий день с утра мы увидимся, она мне город покажет, и вообще нам нужно получше узнать друг друга. Она так торопилась, даже перчатки у меня забыла. – Воробьёва на секунду закрыла глаза и на несколько минут провалилась в воспоминания, вспомнила эти самые перчатки, очень красивые, из светлой тонкой кожи, по которой змеился сложный рисунок, с крошечной пуговкой.

Эти перчатки были последним радостным воспоминанием, потому что утром начался форменный кошмар. Она встала рано, да и спала плохо, как всегда на новом месте, позавтракала, умилившись, что Светлана даже холодильник заполнила продуктами, и квартира в полном порядке, хотя и не жили в ней давно. Заботливая у нее сестра, они непременно подружатся. С этой радостной мыслью Анна Игоревна собралась и стала ждать звонка Светланы. Но время шло, уже полдень миновал, а телефон молчал. Анна не выдержала и набрала номер сестры. Женский жестяной голос ответил, что телефон выключен. Ну всё ясно, забыла поставить на зарядку. Надо же, она сама тоже вечно забывает это сделать! Ну, подождём еще…

Но прошло еще полтора часа, потом два, а мобильник молчал. Анна проверяла его каждые пятнадцать минут, таскала с собой всюду. От Светланы не было известий. Тогда Анна вспомнила, что где-то у нее был номер стационарного телефона сестры. Ну да, та дала ей два номера – и мобильный, и домашний. Дрожащими руками Анна набрала второй номер, но ответом ей были длинные гудки. Светлана не брала трубку. Или ее не было дома. Но отчего тогда выключен мобильный? Анна снова взглянула на часы, потом на свой молчащий телефон. Да

что же это такое? Если Светлана не хочет с ней знаться, зачем было вызывать ее сюда? Зачем было выдёргивать из привычной, устоявшейся жизни, чтобы заставить сидеть здесь в ожидании ее звонка? Тут она вспомнила свою «устоявшуюся жизнь» и горько улыбнулась. Эта жизнь не вызывала в ее душе ничего, кроме глухой тоски, унылой и утомительной, как зубная боль, – косые взгляды знакомых, одинокие вечера у телевизора… Ужасная скука постоянно… Вот уж о чем она никогда не будет жалеть! Откуда-то из подсознания всплыло выражение «зубная боль в сердце». Это как раз о ее неприглядной жизни!

Анна встала, сжала кулаки, прошлась взад-вперёд по комнате, как зверь в клетке, снова села, который уже раз взяла свой телефон и набрала домашний номер Светланы. И снова из трубки потянулись тоскливые, безнадёжные гудки, и мобильник отвечал тем же противным голосом, так что Анне захотелось придушить робота. Нет, что-то здесь не то… Если бы Светлана была просто занята, если бы ей было сейчас не до провинциальной родственницы – она уж как-нибудь дала ей это понять. Позвонила, сообщение прислала – так, мол, и так, сейчас не могу, отложим встречу. Ну как все нормальные люди делают. Анна усмехнулась горько. Когда она общалась с нормальными людьми? За последний год, пожалуй, ни разу. Одиночество, тоска и скука – вот что окружало ее в последнее время. И только после письма сестры появилась слабая надежда, что всё изменится к лучшему. И вчера она легла спать почти счастливая. И вот, пожалуйста, надежды опять рухнули. Она не нужна никому, и сестре тоже не нужна. Светлана просто не отвечает. Элементарно не берёт телефон. Но вдруг с ней что-то случилось? Может, она попала в аварию и лежит сейчас в больнице без сознания? Или у нее сердечный приступ, и она дома, и некому ей помочь? Анна из последних сил цеплялась за мысль, что это какое-то недоразумение, Светлана просто не может позвонить из-за важной причины.

Анна вскочила с дивана. Она больше не могла ждать, ей нужно было что-то предпринять. Но что? Единственное, что пришло ей в голову, – поехать домой к Светлане, взглянуть на нее, убедиться, что с сестрой всё в порядке. Мысленно назвав малознакомую женщину сестрой, Анна вздрогнула. Это звучало так странно, так непривычно… Но ведь они и правда сестры, пусть не родные. И выходит, что у нее во всем мире никого нет ближе Светланы. Значит, нужно ехать к ней немедленно. В первый момент Анна испугалась, что не знает адреса Светланы, но тут же вспомнила про ее письмо, которое лежало в сумочке. Там наверняка есть обратный адрес.

Она схватила сумочку и почти сразу нашла смятый, потёртый на сгибах конверт. Вот он – адрес Светланы: Поклонногорская улица, дом четыре, квартира пятнадцать. Денег у нее было мало, но сейчас волей-неволей пришлось взять такси, и не потому, что она спешила, а чтобы не искать эту злосчастную Поклонногорскую улицу. Ведь Анна совсем не ориентировалась в большом городе.

Такси привезло ее в новый район рядом с большим лесопарком. Дом окружала кованая ограда, въезд заграждал шлагбаум, и таксист высадил Анну перед ним:

– Вот ваш дом, а во двор меня не пустят.

Анна расплатилась строго по счётчику и направилась к шлагбауму. Возле шлагбаума притулилась будочка с окошком, в ней сидел мрачный мужчина с вислыми усами. На нем была чёрная униформа охранника. В глазах его читалась застарелая скука. Увидев Анну, он оживился.

– И куда же мы идём? – спросил он Анну, выглянув из своей будки. – И куда же мы торопимся?

– К сестре, – ответила та и собралась было с деловым и безразличным видом пройти мимо.

Охранник повысил голос:

– Эй, стой, я с тобой еще не закончил! К какой такой сестре? Фамилия!

Анна хотела было возмутиться – что это он к ней обращается на «ты»? Но решила не усложнять отношения и назвала фамилию Светланы и номер квартиры.

Охранник внушительно кивнул, достал амбарную тетрадь, открыл список жильцов, повёл по нему толстым прокуренным пальцем и солидно проговорил:

– Есть такая… Сейчас мы узнаем, ждет ли она вас.

«Ну хоть на „вы“ перешёл!» – подумала Анна, но тут увидела, что из подъезда вышла женщина в бежевом расклешённом пальто. Да это же она, Светлана!

– Вот она, моя сестра! – выпалила Анна, перегнулась через шлагбаум и крикнула: – Света!

Но та ее не услышала и скрылась за углом. Анна раздражённо повернулась к охраннику:

– Да пропустите же меня, она сейчас уйдёт!

Тот что-то недовольно проворчал, но всё же нажал кнопку, открыл металлическую калитку в ограде.

Анна прошмыгнула в калитку, направилась к дому, и в этот самый момент из-за угла выехала красная машина. Та самая машина, на которой Светлана встречала ее с поезда. Анна метнулась обратно, чтобы перехватить машину, но шлагбаум уже открылся, машина выкатила мимо нее на улицу, и Анна успела разглядеть только женский силуэт за рулём. А еще она успела заметить номер машины – три шестёрки, число дьявола. Конечно, это была Светлана.

– Вот чёрт, не успела… – пробормотала Анна, пролезая под опустившимся шлагбаумом.

Охранник ехидно посмотрел на нее. Или, может, Анне это только показалось. Красная машина притормозила на ближайшем перекрёстке, и тут, под влиянием внезапного порыва, Анна вскинула руку. Рядом с ней тут же остановилась неказистая машина болотного цвета. Анна распахнула дверцу, плюхнулась рядом с пожилым водителем.

– Куда едем? – осведомился тот.

– Вон за той красной машиной! – выпалила Анна.

Водитель уже открыл рот, чтобы отказаться, но Анна опередила его:

– Вот только не надо никаких лишних вопросов, прошу вас! Поезжайте за той машиной, не обижу!

– Как скажешь… Ладно… – протянул водитель с неохотой.

«Ну почему сегодня все со мной на „ты“?» – подумала Анна, но тут же увидела себя глазами водителя и охранника – глуповатая растерянная провинциалка, бедновато и немодно одетая. Да уж, к таким в большом городе относятся неуважительно. Анна отбросила эту мысль как несущественную. Более существенным был другой вопрос: зачем она поехала за Светланой? Ясно же, что ее новообретённая сестра жива и здорова, а раз она не отвечает на звонки, значит, просто не хочет ее видеть, скрывается от нее. Но какого чёрта? Ведь она сама ее пригласила в Петербург, встретила, поселила в своей квартире. И говорила вчера с ней так ласково, так приветливо! Что же после этого случилось? Почему она не выходит на связь?

Красная машина тем временем свернула на проспект, проехала еще немного и остановилась на парковке перед торговым центром.

– Ну куда теперь? – осведомился водитель.

– Сейчас, одну минутку…

Дверца красной машины открылась, Светлана вышла и направилась ко входу в торговый центр. Анна сунула водителю купюру, выскочила из машины.

– Эй, добавить бы надо! – крикнул вослед водитель.

– Обойдёшься, ехали всего ничего! – отмахнулась Анна, устремившись вслед за сестрой.

В торговом центре было совсем немного покупателей, и она сразу заметила знакомое бежевое пальто. Сестра поднималась на эскалаторе на второй этаж. Анна проворно пересекла холл, шагнула на эскалатор и заторопилась, расталкивая людей и извиняясь. Нагнать Светлану на эскалаторе она всё равно не успела, та доехала до второго этажа и пошла по коридору,

потом свернула в обувной бутик. Анна последовала за ней, сразу увидела бежевое пальто перед стойкой с туфлями, бросилась к сестре, с трудом переводя дыхание:

– Светка, еле тебя догнала!

Сестра не повернулась к ней, никак не отреагировала на ее голос, даже не шелохнулась.

– Света? – повторила Анна уже не так уверенно и дотронулась до рукава бежевого пальто.

Женщина обернулась, удивлённо посмотрела на Анну. Анна попятилась. Это была не Светлана. Конечно, женщина была похожа на сестру, такой же рост, стрижка, опять же это бежевое пальто, несомненно, точно такое же, как то, что было на Светлане… Неудивительно, что Анна издали перепутала ее с сестрой. Перепутала? Но ведь эта женщина вышла из того самого дома, в котором живёт Светлана, из того самого подъезда и села в такую же точно красную машину. Нет, не в такую же, а в ту же самую – ведь Анна разглядела номер машины – три шестёрки. Все эти мысли промелькнули в голове Анны в долю секунды.

– Что такое? – недовольно подняла брови женщина в бежевом пальто. – Вы что-то хотели спросить?

– Нет… Простите… Я обозналась… – пролепетала Анна. – Я приняла вас за свою знакомую.

– Ничего страшного! – ответила женщина с едва заметной усмешкой в голосе.

И тут Анна заметила еще одну деталь. Перчатки. У женщины были точно такие же перчатки, как у Светланы. Светло-бежевые, в тон пальто, удивительно тонкие, облегающие руку, как вторая кожа. По перчаткам змеился едва заметный рисунок, а на запястье сверкала крошечная пуговка. А ведь Светлана с плохо скрытой гордостью сказала, что вторых таких перчаток в Петербурге нет, она привезла их в прошлом году из Италии. Нашла в крошечной мастерской, где их шили на заказ. Так может, это те самые перчатки? Неувязка только в том, что перчатки остались в квартире, где поселилась Анна. Светлана их забыла, когда уходила от нее. Очень торопилась.

– Бывает! – слегка улыбнулась незнакомка и отвернулась от Анны к стойке с обувью.

Продавщица издалека прожигала Анну взглядом, и та поняла, что еще немного, и бдительная женщина вызовет охранника. В зеркальной витрине она увидела свое отражение – заполошная, испуганная, невзрачно одетая тётка, вот именно – не женщина, не дама, а тётка, – взгляд совершенно дикий, волосы взлохмачены. Да, немудрено, что продавщица насторожилась. Такие сомнительные личности, как Анна, в дорогой бутик вообще не заходят и к солидным покупательницам не пристают.

Анна приняла непринуждённый вид и поскорее покинула бутик, отошла подальше и спустилась на первый этаж, чтобы выйти на улицу. Она была растеряна. Что произошло? Неужели просто обозналась, приняла за Светлану похожую на нее женщину? Нет, это было не простое сходство. Незнакомка одета в такое же пальто, у нее такая же причёска. Допустим, это может быть совпадением. Но она вышла из дома, где жила Светлана, и села в ее машину. Кстати, от незнакомки пахло Светланиными духами, Анна очень хорошо запомнила аромат. А перчатки? Ведь они лежат у Анны в квартире на полочке под зеркалом. Это было невозможно объяснить.

Анна почувствовала, как виски сжало железным обручем. Ну вот, вернулись головные боли. Надо же, а она думала, что боль осталась в прошлом, и доктор говорил ей, что она пройдёт со временем, нужно только иметь терпение и ждать. И нужно бы изменить свою жизнь, переехать в другой город, поменять работу, найти новых друзей, изучить что-то новое, хобби заиметь, что ли… И тогда всё потихоньку придёт в норму. Анна тогда только усмехнулась. Хорошо доктору давать советы. Переехать в другой город – ну надо же! И кто, интересно, ее там ждёт с квартирой и работой? У нее и профессии-то толком никакой нет. Найти новых друзей – да кому она нужна, кому интересна? Ну работу она тогда поменяла, конечно, поскольку с прежней ее уволили. Но ничего не изменилось – то же одиночество, те же вечера перед телевизором, та же тоска. Когда пришло письмо от Светланы, она поверила, что жизнь ее может

измениться к лучшему. И пока готовилась к отъезду, головные боли ушли, за месяц ни разу не стискивал голову мучительный обруч, как будто она живёт не в двадцать первом веке, а тысячу лет назад и ее пытает в своих застенках святая инквизиция. Ничего не изменилось, не получилось изменить свою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.